

Вечером, выключив свет, Цао Е ворочался в постели. Его так раздражали комары, что он не мог уснуть. Он закутался в летнее одеяло, но комары продолжали назойливо жужжать у него над ухом, ни на секунду не умолкая.

— Лян Сычжэ... — тихо позвал он, не в силах заснуть.

Лян Сычжэ слышал, как он ворочается на соседней кровати, словно жарится на сковородке [1]. Он сам с трудом задремал и уже почти провалился в сон, когда услышал, как Цао Е тоненьким голоском, похожим на писк комара, зовёт его по имени.

[1] Выражение 煎水煎包 (jiān shuǐ jiān bāo shì de) буквально означает «словно жаренный во фритюре водный жареный пирожок». Это образное выражение описывает человека, который беспокойно ворочается, ёрзает, не может найти себе места. Представьте, как пирожок шкворчит в масле - он постоянно переворачивается, меняет положение.

— М-м? — сонно промычал он, не открывая глаз.

— Ты тоже не спишь?.. — Цао Е заговорил громче.

— М-м... — В полудрёме Лян Сычжэ почувствовал, как к нему прижалось тёплое тело. Он открыл глаза и увидел Цао Е с подушкой и одеялом в руках.

— Что случилось? — спросил Лян Сычжэ охрипшим голосом.

— Не могу же я один мучиться от комаров, хе-хе-хе, — хитро усмехнулся Цао Е. — Сычжэ-гэ, ты должен разделить со мной эту радость... Подвинься немного, я хочу спать с тобой.

— Если ты будешь спать со мной, комары всё равно будут кусать тебя, — сказал Лян Сычжэ, но всё же подвинулся к стене, освобождая место.

Цао Е положил подушку и плотно закутался в одеяло:

— Я укрылся, меня не укусят. Они будут только жужжать над нами обоими... Слышишь?

— Ага, слышу, — ответил Лян Сычжэ. Сон как рукой сняло. У самого уха действительно раздавалось комариное жужжание. — Моментальный эффект.

— Хе-хе-хе, — довольно захихикал Цао Е, радуясь своей маленькой победе.

— Доволен? — спросил Лян Сычжэ.

— Более или менее... От тебя пахнет кокосом.

— Это, наверное, шампунь... От тебя тоже им пахнет.

Цао Е провёл пальцами по волосам, поднёс их к носу и понюхал:

— Кажется, да. Наверное, у тебя волосы длиннее, поэтому ты используешь больше шампуня.

— Возможно, — сказал Лян Сычжэ, высунул руку из-под летнего одеяла, погладил его по волосам и убрал её обратно.

— Эй, ты опять трогаешь мою голову! — Цао Е приподнял голову с подушки.

— Ага, потрогал. Что, драться будем? — Лян Сычжэ тихо засмеялся и, словно назло, снова положил руку ему на голову. Волосы у него были очень приятные на ощупь, гораздо лучше, чем у сяо Бай.

Цао Е убрал его руку:

— Если ты будешь постоянно трогать мою голову, я перестану расти.

— Ты и так достаточно высокий.

— Нет, ты не знаешь, Чи Миньяо выше меня! Мне нужно ещё подрасти.

— И какой у него рост?

— Он уже метр восемьдесят.

— О, как и я. А у тебя какой рост?

— Мне не хватает одного сантиметра.

— Слишком высокий рост — это тоже не очень хорошо. — Лян Сычжэ снова положил руку ему на голову, слегка помассировал и, улыбаясь, сказал:

— Давай я тебе помогу немного замедлить рост.

— Убери свои лапы! — Цао Е снова смахнул его руку. — Если я перестану расти, это будет

ТОЛЬКО ТВОЯ ВИНА.

Лян Сычжэ, смеясь, убрал руку и больше не трогал голову Цао Е. Насмеявшись вдоволь, он закрыл глаза, пытаясь снова заснуть.

— Ты уже спишь? — спросил Цао Е спустя некоторое время.

— А ты ещё нет?

— Я не могу уснуть, совсем не хочу спать... Давай поговорим. Повернись ко мне.

— О чём? — Лян Сычжэ снова открыл глаза и повернулся к Цао Е. — Тебе было весело в эти дни?

— Нормально... Линь Янь всё время таскал нас в бар своего брата. Там так шумно, я чуть не оглох.

— Тебе не понравилось?

— Не особо. И ещё... — Хотя в комнате были только они вдвоём, Цао Е понизил голос. — Это был гей-бар.

Лян Сычжэ решил, что ослышался:

— ...Какой бар?

— Гей-бар, — сказал Цао Е чуть громче, придвинулся к Лян Сычжэ и снова понизил голос: — Скажу тебе по секрету, Линь Янь любит мужчин.

Цао Е говорил очень тихо, словно делился какой-то тайной. Он был так близко, что Лян Сычжэ чувствовал его дыхание на своём лице.

Лян Сычжэ промолчал. Он ощутил странное чувство, поднимающееся в груди. Будто таинственный голос Цао Е задел тонкую, натянутую струну и она тихонько дрогнула. Звук, подобно эху, прошёлся по телу вместе с ударами сердца, и на мгновение грудь словно онемела.

Что это было за странное чувство? Лян Сычжэ инстинктивно не хотел в этом копаться. Он подавил это странное ощущение и перевернулся на спину:

— Откуда ты знаешь?

— Не отворачивайся... Я видел его парня. Он похож на девчонку.

— О... — произнёс Лян Сычжэ, но всё равно не повернулся, продолжая лежать на спине.

— Его парню очень не повезло.

— М-м?

— Кажется, его парень — актёр, подписавший контракт с компанией брата Линь Яня. Недавно он получил роль в фильме, съёмки вот-вот должны были начаться. Но каким-то образом об их отношениях стало известно, и брат Линь Яня в гневе всё испортил. Теперь парня отстранили от работы... Разве это не ужасно?

— Ужасно... Который из них Линь Янь?

— Тот... который называл тебя маленькой красавицей.

— А, по телефону он казался таким весёлым.

— Да, он, похоже, совсем не переживает. Мне Да Бай рассказал. После этого я даже не хочу с ним дружить...

— Но ты же в тот день веселился с ним вместе?

— Эх, да... я тоже об этом подумал... Но он так хорошо ко мне относится, — вздохнул Цао Е, явно переживая. — Это так сложно... Я же не могу прекратить с ним дружить из-за того, что происходит между ним и его парнем. Это было бы слишком странно.

— Он хорошо к тебе относится? В каком смысле?

— Ну... Я знаю его с детства. Он на три года старше и для меня как брат. Всё время мне что-то покупает. Хотя иногда говорит всякие гадости, но в целом всегда мне уступает... Сложно объяснить, но он действительно хорошо ко мне относится.

— Он... — Лян Сычжэ запнулся и неуверенно начал: — А вдруг ты ему нравишься?

— Да ну, брось! — Цао Е тут же вскочил с подушки. — Не пугай меня, у меня от твоих слов мурашки по коже побежали.

Лян Сычжэ промолчал.

— Правда, потрогай. — Цао Е нащупал его руку и приложил к своей руке. — Чувствуешь?

— М-м... — На самом деле он ничего не почувствовал, только прикосновение к тёплой, немного влажной коже. Лян Сычжэ отдернул руку и невольно потёр пальцы.

— Кажется, ты попал по моему комариному укусу, теперь чешется... — Цао Е лёг обратно на подушку, почесал руку и продолжил: — Он ко всем нашим друзьям хорошо относится, не только ко мне... И потом, ему нравятся только женоподобные парни, так что, думаю, он всё-таки предпочитает девушек.

— О...

— Хе-хе-хе, Сычжэ-гэ, а тебе какие девушки нравятся? — спросил разговорившийся Цао Е, придвинувшись ближе.

— Мне... — Лян Сычжэ немного помолчал, поднял руку и прикрыл глаза тыльной стороной ладони. — Откуда ты знаешь, что мне нравятся девушки?

— А? — На этот раз Цао Е подскочил на кровати. — Ты тоже любишь мужчин?!

Даже не видя лица Цао Е, Лян Сычжэ мог представить его удивлённое выражение: широко раскрытые глаза, которые, должно быть, блестят даже в темноте, немного ошеломлённый, но очень живой взгляд.

Представив себе, как он сейчас выглядит, Лян Сычжэ, продолжая прикрывать глаза рукой, слегка улыбнулся:

— Ты и правда поверил?

— О, ты меня разыграл... — Цао Е с облегчением вздохнул. — Напугал меня. Из-за тебя я сегодня весь на нервах.

Лян Сычжэ усмехнулся:

— Ты и сам прекрасно знаешь, что ты нервный.

— Это всё из-за тебя! — Цао Е снова лёг. — Если бы ты любил мужчин, я бы не стал с тобой спать в одной кровати.

— А Линь Янь любит мужчин, и ты всё равно с ним дружишь.

— Дружить-то можно. В любом случае, я ему не нравлюсь. Но спать вместе как-то странно... И вообще, Линь Янь любит девушек, ну или парней, похожих на девушек, так что, думаю, ему всё-таки нравятся девушки.

— О... — промычал Лян Сычжэ.

— Почему ты не спрашиваешь, какие девушки нравятся мне?

— Ну, говори.

— Мне нравятся такие, как ты... — Цао Е сделал паузу, ожидая такой же бурной реакции, как у него самого только что.

Но Лян Сычжэ, казалось, никак не отреагировал.

— ...такие же красивые девушки, — без энтузиазма закончил Цао Е свою неудачную шутку. — Эй, почему ты никак не реагируешь?

— Я так и знал, это банально. — Лян Сычжэ убрал руку от глаз и, закрыв их, улыбнулся.

— Я тоже так думаю, — разочарованно сказал Цао Е.

— Давай спать.

— О... Подожди. — Цао Е уже почти закрыл глаза, но через несколько секунд снова заговорил. — Я только что подумал о другом возможном варианте нашего знакомства.

— М-м?

— Если бы всё шло своим чередом, ты бы так здорово играл на скрипке, что однажды поехал бы на гастроли за границу и там выступил бы на одной сцене с моей мамой. Я иногда хожу на её концерты, и после выступления я бы пошёл за кулисы, чтобы её найти. Моя мама наверняка прониклась бы к тебе симпатией, поэтому она представила бы нас друг другу, мы бы разговорились, нам было бы очень весело, и мы стали бы хорошими друзьями. Динь!

Лян Сычжэ улыбнулся и, словно подыгрывая, продолжил:

— И судьба снова свела бы нас вместе.

— Ага, теперь можно спать. — Цао Е закрыл глаза, помолчал немного, а потом тихо сказал: — 3-3-3-3, слышишь, как комар жужжит?

— Слышу.

— Отлично. — Цао Е, закрыв глаза, улыбнулся, довольный своим успехом. — Спокойной ночи, Лян Сычжэ.

— Спокойной ночи, — ответил Лян Сычжэ и открыл глаза в темноте.

Комната была погружена в темноту, лишь маленький экран кондиционера излучал голубоватый свет, показывая установленную температуру.

Цао Е, сказав «спокойной ночи», быстро уснул. Кондиционер бесшумно гнал прохладный воздух. Не было назойливого жужжания вентилятора, и размеренное дыхание юноши было слышно особенно отчётливо.

А вот Лян Сычжэ, который до этого почти заснул, теперь не мог успокоиться и никак не мог уснуть.

«Линь Янь любит мужчин», — тихий голос Цао Е снова прозвучал у него в ушах. Он словно снова почувствовал его дыхание на своём лице.

Где-то в глубине души зашевелилось незнакомое, странное, сильное чувство. Казалось, стоит лишь задуматься над этими словами, снять с них тонкую обёртку, и оно вырвется наружу. У Лян Сычжэ возникло предчувствие, что, как только это чувство выплеснется, оно быстро, полностью и безвозвратно поглотит его. Это едва не запустило защитный механизм, не позволяя ему думать дальше. Он невольно сжал кулаки.

Он перевернулся лицом к стене, спиной к Цао Е, заставляя себя игнорировать это чувство.

Одиночество, растерянность, обречённость... За последний год он испытал всю гамму этих эмоций. Он научился блокировать свои чувства и погружаться в глубокий сон. И сейчас он заставляя себя уснуть, сделал то же самое: выбросил все свои мысли из головы, оставив лишь бесконечную темноту.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130260>